

Образ Нагорно-Карабахской Республики в риторике президентов Армении, Азербайджана и России: дискурс-анализ

Научный руководитель – Сорокин Дмитрий Алексеевич

Зарипов Н.А.¹, Самир А.Ф.², Рыжков Н.А.³

1 - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет социальных наук, Москва, Россия, *E-mail: nazaripov@edu.hse.ru*; 2 - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет социальных наук, Москва, Россия, *E-mail: josephusflavius@mail.ru*; 3 - Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Факультет социальных наук, Москва, Россия, *E-mail: nikuc.2000@mail.ru*

Образ территории, условно охватываемой кратонимом “Нагорно-Карабахская республика”, с одной стороны, не требует пристального внимания исследователя-семиотика: точки зрения сторон конфликта, с определённой периодичностью входящего в новый цикл (де)эскалации, более или менее прозрачно артикулируются на всём его протяжении, конституируются, как кажется, одними и теми же линиями аргументации. И всё же, надо полагать, если бы дискурсивные стратегии ключевых политических акторов, вовлечённых в противостояние, и правда обладали той же самоочевидностью, как может показаться на первый взгляд, процесс урегулирования противостояния не заходил бы в тупик и не потребовал бы ничего, кроме критической рациональной оценки ключевых доводов комбатантов. В действительности же, как выясняется, аргументы армянской и азербайджанской сторон как минимум нелинейны и направлены не столько на определение актуального компромиссного статуса спорной территории, сколько на конструирование такого смыслового горизонта в прошлом, из которого принадлежность Нагорного Карабаха/Арцаха будет вытекать логически-непротиворечивым и исторически-обоснованным образом (в этом смысле можно говорить, например, о семантике возможных миров С. Крипке) [1]. Подобные усилия влекут за собой постоянное и произвольное перемещение в неконвенциональном прошлом точки отсчёта конфликта, а это, в свою очередь, ведёт к радикальной неопределённости его причин, особенно при учёте перформативности заявлений и политической ценности поступков, равнозначных дипломатическим перформативам (в теории речевых актов Дж. Остина)[2]: что вообще считать Карабахским конфликтом и где его исток? В политических акциях Карабахского (Арцахского) движения Мурадьяна? В Сумгаитском погроме? В момент фактического начала военных действий? Стратегии обоснования бескомпромиссного решения конфликта в пользу одной из сторон порождают нестабильные образы Нагорного Карабаха, населяющей его “гражданской массы” и самой череды войн, единственным устойчивым элементом которых можно назвать атрибутирование ответственности за начало противостояния той или иной этнополитической общности - и эта противоречивость, несомненно, вызывает интерес в том числе у авторов доклада. Наконец, не менее важный вопрос: какая роль в этом пространстве дискурсивной борьбы отведена России - безотносительно её реальной военной вовлечённости? Имеет ли значение символическая и политическая преемственность СССР - Российская Федерация, и если да - какую семиотическую нагрузку несёт вполне конвенциональная функция советского государства как пространства вытеснения (или, скорее, подавления) этнических конфликтов и фактора стагнации рационального обсуждения возможных путей преодоления противоречий? Включение в исследование Российской Федерации кажется тем более обоснованным, что именно она представляется актором, в действительности обладающим агентностью в миротворческом процессе (что подтверждают события осени 2020-го года

и ключевая роль России в урегулировании конфликта), хотя и это её значение требует прояснения: какие флуктуации дискурса о Карабахе, помимо вытеснения собственно конфликтного потенциала и навязывания компромисса, временно нивелирующего антагонизм.

Таким образом, авторы доклада предполагают реконструировать актуальные (на момент последнего армяно-азербайджанского конфликта, имевшего место в 2020-м году) дискурсивные стратегии основных участников противостояния - Армении, Азербайджана и России, выступающей в качестве арбитра. В фокусе нашего внимания - атрибутирование ответственности за начало нового витка столкновений, аргументы в пользу продолжения конфликта до победного (для одной из сторон) конца, вскрывающие постоянное неявное присутствие милитаристского дискурса за миротворческим, и, наконец, в духе критического дискурс-анализа Т. ван Дейка [3] и П. Серियो [4], риторические приёмы, направленные на пейорацию действий и мотиваций оппонента.

Методологической рамкой доклада выступает мультимодальный дискурс-анализ, в основе которого лежит синтез идей двух подходов к дискурс-анализу - критического дискурс-анализа (далее - CDA) и подхода Шанталь Муфф и Эрнесто Лакло [5]. Другими словами, представленное исследование фундировано на последовательном проведении сравнительного анализа наполнений такого “плавающего означающего” как Нагорно-Карабахская республика в риторике глав государств Армении, Азербайджана и Российской Федерации. Анализ состоит из трех этапов, предложенных И.В. Фоминым: семиотический, синтаксический и прагматический аспекты [6]. Семиотический этап сравнительного анализа отражает функцию, которую исполняет образ Нагорно-Карабахской республики. На данном шаге выделяются базовые структурные элементы повествования, отражающие действие рассматриваемого объекта (или, другими словами, отвечает на вопрос “что делает?”). Синтаксический уровень отражает иной аспект образа - непосредственно само смысловое наполнение образа (или отвечает на вопрос “кем является?”). В данном разделе используется аналитический инструментарий построения актантных моделей, предложенный А.-Ж. Греймасом, результатом построения которых станет выделение метса образа в каждой из моделей [7]. Наконец, прагматический уровень предлагает проведение сравнительного анализа дискурсивных стратегий в отношении образа. Сравнение данных практик возможно посредством их наложения на унифицированную сетку, предложенную Т. ван Леувиным [8]. Проведение последовательного системного анализа позволяет исследователям не только зафиксировать рамки конструируемого лидерами государств образа Нагорно-Карабахской Республики, но и сравнить их между собой, определив доминирующие конструируемые образы, а также вероятные дискурсивные стратегии, что является частью более широкой дискуссии, связанных с конструированием дискурса в отношении образов. Кроме того, предполагается, что проведение подобного анализа расширит перспективы использования предложенной методологии для анализа образов непризнанных государств либо иных социально-политических феноменов.

Источники и литература

- 1) Kripke S. A. Naming and necessity //Semantics of natural language. – Springer, Dordrecht, 1972. – С. 253-355.
- 2) Austin J. L. How to do things with words. – Oxford university press, 1975. – Т. 88.
- 3) Ван Д. Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации //М.: Либроком. – 2013. – С. 102-103.
- 4) Sériot P. Structure and the whole: East, west and Non-Darwinian biology in the origins of structural linguistics. – Walter de Gruyter, 2014. – Т. 12.

- 5) Jørgensen M. W., Phillips L. J. Discourse analysis as theory and method. – Sage, 2002.
- 6) Фомин И. В. Образ государства как предмет политического дискурс-анализа : дис. – М., 2014.
- 7) Греймас А.-Ж. Размышления об актантных моделях // Французская семиотика. - М.: Прогресс, 2000. - С. 153-170.
- 8) Leeuwen T. van. The representation of social actors // Texts and practices. — N.Y.: Routledge, 1995. — P. 32-70.